

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Лев Толстой и время

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2010

Проблемы поэтики произведений Льва Толстого

Н.Ж. Ветшева

«Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого: хронотоп великой эпопеи

Севастополь особенный город. Оборона Севастополя во время Крымской войны 1854–1855 годов, оборона Севастополя времени Великой Отечественной войны 1942–1944 годов – сданный, но непокоренный город остается не просто местом, не просто севастопольским текстом культуры, но живым символом, соединяющим человека с историей.

Это проявилось в «Севастопольских рассказах» Л.Н. Толстого, в его любимой мысли (лирически, драматически и эпически выраженной) – о сопряженности и взаимосвязи всего сущего. Дом моих родителей в Севастополе стоит на углу улицы 4-й Бастионной¹ и Бастионного проезда. В сегодняшней топографии Севастополя запечатлена память «большой истории»: Панорама обороны Севастополя (Франц Алексеевич Рубо² связывает Севастопольскую и Бородинскую панорамы), Исторический бульвар, бульвар Приморский³ (где располагалась Николаевская батарея⁴ и Севастопольское дворянское собрание – госпиталь), Графская пристань⁵, существовавшая в толстовское время, Севастопольский рейд, Памятник затопленным кораблям⁶. Сквозь привычную риторику «Севастополь – город русской славы» – пробивается иное: сопричастность тому, что было⁷.

«Севастопольские рассказы» – произведение сложной жанровой формы, со своей динамикой вызревания, эволюцией замысла и названий, с ощущением нарастающей национальной катастрофы, с меняющимся характером включенности человека в войну – представляют собой не только эскиз будущего национального эпоса «Война и мир», но и самостоятельное эстетическое и художественное целое.

«Севастополь в мае». Офицерский быт и «ночь» отойдут сюда, «день» останется декабрю месяцу; первоначальное название: «10 мая» – дата сражения, свидетелем которого был Толстой, вариант названия: «Весенняя ночь в Севастополе» (4, 387).

«Севастополь в августе 1855 года». Штурм и падение Севастополя стоит за этой хроникальной датировкой (взятие Малахова кургана) (4, 393–396), оставление русскими войсками Севастополя, трагедия Крымской войны.

Таким образом, даже в поэтике названий прочитывается динамика, процессуальность, связанная с онтологией севастопольской обороны, с временами года, как бы страшно это ни звучало, сезонами Крымской войны – зима, весна, лето. Но объективность нарратива корректируется авторской модальностью, различной окраской повествования, разной степенью дистанцированности и включенности автора в происходящее. Прежде всего, очерковость позволяет автору (даже в первом, наиболее лирическом рассказе) создать четкий графический абрис, точное, насколько удастся с течением времени почувствовать это, топографическое очерчивание севастопольских реалий.

В первом очерке «Севастополь в декабре месяце» основным сюжетобразующим принципом является мотив линейного движения с вполне конкретными реальными координатами. Конечно, уже здесь, при том что есть линейность, направленность, Толстой-повествователь и наблюдатель не прямолинейны. Вектор движения есть, но он «тормозится» рассеивающим авторским взглядом, создавая эффект панорамного зрения, детализацией происходящего.

Начало рисует фон очерка: море, солнце, всходящее над Сапун-горой⁸, относятся к природным детерминантам бытия.

«**Утренняя заря** только что начинает **окрашивать** небосклон над Сапун-горой; **темно-синяя** поверхность моря сбросила с себя уже **сумрак ночи** и ждет **первого луча**, чтобы заиграть **веселым блеском**; с бухты несет **холодом и туманом**; снега нет – **все черно**, но **утренний резкий мороз** хватает за лицо и трещит под ногами, и **далекий немолкаемый гул моря**, изредка прерываемый **раскатистыми выстрелами** в Севастополе, один нарушает **тишину утра**. На кораблях глухо бьет восьмая склянка» (4, 3). Контрасты утра и ночи, света и мрака, веселого блеска моря и бесснежной черноты, гула моря, выстрелов и корабельных склянок.

Следующий локальный фрагмент текста насыщен топографическими реалиями. **Северная сторона** (не занятая неприятелем), откуда направлялись в город и из города по морю, **Большая Севастопольская бухта**, рядом **Графская пристань**; в бухте затоплены военные корабли, вдали неприятельский флот, корабль «**Константин**», на котором жил адмирал Корнилов⁹, уже погибший к этому времени от смертельного ранения на **Малаховом кургане**. Далее находится **Южная бухта**, разделяющая **Корабельную сторону** (с Малаховым курганом) и Центральную часть города.

В город с Северной и движется ялик с автором очерка. С автором движутся пласты описания, связанные с переходом утра в день, с усилением «населенности» пространства. Авторская точка зрения построена

на максимальном сближении автора и читателя, это не столько диалог, сколько достижение эффекта соучастия, вовлечения читателя в военные будни города: «вы выбираете», «вы отчалили», «вы смотрите», «вы слушаете», Наконец, пассаж-резюме (уже на второй странице очерка): «Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникли в душу вашу чувства какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...» (4, 4).

Вектор движения повествования и описания событий и характеров устремлен вверх: от мира к войне, от Северной к четвертому бастиону (на этом пути перечисляются этапы – набережная, площадь¹⁰, госпиталь, Екатерининская улица, церковь, гора, Язоновский редут четвертого бастиона¹¹).

Ключевое слово, маркирующее описание и повествование, – разно-родность, несовместимость мира и войны: солдаты, матросы, женщины – ядра, пушки, снаряды – и (парадоксальным образом) уместность человека на войне, если есть дело: дело каждого (офицера, матроса, даже девицы в розовом платье, перепрыгивающей по камешкам улицу). И – дело, расширяющееся до масштабов основных сражений Крымской войны.

В очерках упоминается Альминское дело (8 сентября 1854 года), кроме того, было единственное выигранное Балаклавское сражение (13 октября 1854 года), Инкерманское дело (24 октября 1854 года) и Чернореченское (4 августа 1855 года)¹².

Концентрация топонимов, естественно, требует реального комментария, и очеркам сопутствуют, правда, немногочисленные, авторские (толстовские) комментарии. Но эта точность и соответствует жанровой природе очерка, и создает эпическое поле даже в первом («Севастополь в декабре месяце»), традиционно «лирическом» в силу авторской голо-совой модальности тексте.

От очерка к очерку заявленный мотив (например, раненые в госпитале, перевязочной) не просто варьируется, но приобретает иной масштаб и звучание. В первом очерке речь идет о госпитале, расположенном в Севастопольском Дворянском собрании¹³, здесь крупным планом даются портреты раненых, их родных, очень разных, но единых в страданиях: матрос с пятого «баксиона» со своей «хозяйкой», умирающий, старик, женщина. Операционная, занятые ампутациями доктора.

Но это описание пронизано не только лирическим, но этическим и гуманистическим пафосом, то есть эта авторская эмоция выходит за рамки чисто эстетических категорий. «Не верьте чувству, которое удерживает вас на пороге залы (госпиталя. – *Н.В.*), – это дурное чувство, – идите вперед, не стыдитесь того, что вы как будто пришли *смотреть* (курсив Л.Н. Толстого. – *Н.В.*) на страдальцев, не стыдитесь подойти и поговорить с ними: несчастные любят видеть человеческое сочувст-

вующее лицо, любят рассказать про свои страдания и услышать слова любви и участия» (4, 6).

Кстати, в первом же очерке происходит эволюция по мере развития повествования способа авторской рефлексии, осложненной размышлениями о вечном.

Во время Крымской войны еще не существовало Владимирского собора на вершине Городского холма (был только заложен фундамент будущей усыпальницы адмиралов Лазарева, Корнилова, Нахимова, Истомина). Толстой мог видеть во время своего пребывания в Севастополе храм Святых апостолов Петра и Павла¹⁴ и часовню Архистратига Михаила¹⁵.

Линейная «дорога» очерка ведет в гору, где на Язоновском редуте четвертого бастиона служил подпоручик артиллерии граф Л.Н. Толстой¹⁶.

Место Язоновского редута и четвертого бастиона в целом сохранилось и оформлено как мемориал. Сейчас оно более оживленно, чем Малахов курган, видимо, из-за Панорамы Рубо и близости туристических маршрутов. Там находится барельеф Толстого, указания месторасположения батарей; воспроизведены редуты, флешы, установлены подлинные орудия Крымской войны; можно представить себе, на каком незначительном расстоянии находился он (неприятель).

Резюмирующая часть «Севастополя в декабре месяце» далека от проповеднического пафоса второго очерка («Севастополь в мае») и трагического катастрофизма «Севастополя в августе 1855 года». Именно эти слова Толстого чаще всего цитировали, относя ко всему циклу: «Главное, отрадное убеждение <...> это убеждение в невозможности взять Севастополь». Причину Толстой усматривает не просто в «духе русского народа», «причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого – любовь к родине» (4, 16).

В финале точное следование топонимическим реалиям сменяется севастопольским мифом: недавнее предание оказывается достоверней фактов, а повторяемость исторических процессов и героических прецедентов оборачивается постоянством русского национального характера (в эпическом и этическом вариантах и их единстве). Речь идет «о временах, когда этот герой, достойный Древней Греции, – Корнилов, облезлая войска, говорил: «Умрем, ребята, а не отдадим Севастополя, – и наши русские, неспособные к фразерству, отвечали: «Умрем! Ура!» – только теперь рассказы про эти времена перестали быть для нас прекрасным историческим преданием, но сделались достоверностью, фактом» (4, 16).

Эволюция поэтической топографии очерков видится в переходе от линейного, суммарного повествования, связанного с очерковой жанро-

вой природой, к объемному, включающему элементы повести, рассказа. Это проявляется в следующем («Севастополь в мае»):

1. Расширение хронотопа, выход за рамки «линейного» текста. Так, Толстой использует формы предьстории героя (Т. губерния, эпистолярный слой), слухи, анекдоты и проч.

2. Введение принципа конфликтности, несовместимости войны и мира: «идиллии офицерского быта» и бастионов, дня и ночи (звезды=бомбы)¹⁷, открытости (огонь) и закрытости (офицерские блиндажи).

3. Движение сюжета также не столько линейное, сколько разнонаправленное.

4. Конфликтообразующим является мотив тщеславия живых, внешне становящихся мертвыми. Повествование строится как драма с финальной авторской проповедью и резюмирующей любимой толстовской мыслью о «герое – правде». «Да, на бастионе и на траншее выставлены белые флаги, цветущая долина наполнена смрадными телами, прекрасное солнце спускается к синему морю, и синее море, колыхаясь, блестит на золотых лучах солнца. Тысячи людей толпятся, смотрят, говорят и улыбаются друг другу. И эти люди – христиане, исповедующие один великий закон любви и самоотвержения, глядя на то, что они сделали, с раскаянием не упадут вдруг на колени перед тем, кто, дав им жизнь, вложил в душу каждого, вместе с страхом смерти, любовь к добру и прекрасному, и со слезами радости и счастья не обнимутся, как братья? Нет! Белые тряпки спрятаны – и снова свистят орудия смерти и страданий, снова льется невинная кровь и слышатся стоны и проклятия» (4, 59).

Это перемирие, которое не примиряет, но вводит все в привычные рамки войны, вражды и убийства как нормы¹⁸, эта мысль корректируется «тяжелым раздумьем» автора о невозможности четких критериев героичности или злодейства, хорошего или дурного по отношению к героям (Калугину, Праскухину, Михайлову, Песту). Толстой квалифицирует жанр «Севастополя в мае» как повесть («в этой повести», «ни злодеями, ни героями этой повести», «герой же моей повести»). Граница между очерком и рассказом, очерком и повестью связана и с категорией героя, его психологией, способами воссоздания внутреннего мира (многочисленные рефлексивные внутренние монологи). Объективирующим моментом, придающим эпичность авторскому повествованию, несмотря на субъективно-оценочные смыслы, становится критерий эстетический, совпадающий с «моментом истины». «Герой же **моей** повести, которого **я люблю всеми силами души**, которого старался воспроизвести во всей **красоте** его и который всегда был, есть и будет **прекрасен**, – правда» (4, 59).

В третьем тексте – «Севастополь в августе 1855 года» – множественность субъектов повествования и героев сохраняется, но усиливается жанровая ориентация на повесть, повествование о жизненных историях братьев Козельцовых, включенных в севастопольский контекст. Таким образом, сам по себе драматический сюжет оставления Севастополя (не сдачи), катастрофизм севастопольского исхода (документ) обогащается драматизмом гибели Козельцовых на фоне их предысторий, рассказа о пути в Севастополь, эпизодов на станции, в балагане обозного офицера, в доме батарейного командира, на бастионе и в казарме, наконец, «в деле», где убит и повоевавший опытный Козельцов-старший, и семнадцатилетний мальчик, только вступивший в войну и жизнь.

Толстой сопоставляет две жизни и две смерти двух братьев.

Михаил Козельцов: «Смерть не испугала Козельцова. Он взял слабыми руками крест, прижал его к губам и заплакал». <...> «Мысль о брате мелькнула на мгновение в его голове. “Дай бог ему такого же счастья“, – подумал он» (4, 114–115).

Володя Козельцов: «Но не такая участь ожидала Володю» <...> «Что-то в шинели лежало на том месте, где стоял Володя, и все это пространство было уже занято французами, стрелявшими в наших» (4, 115, 116).

В этом очерке-рассказе-повести (сложном жанровом ансамбле) синтезируются лейтмотивы первого и второго рассказов. Возвращается «разнородность» «Декабря», множество реальных топонимов, связанных с мотивом передвижения братьев и сражением на Малаховом кургане¹⁹. Здесь упоминаются Дуванкой²⁰, Инкерман²¹, Бельбек²², Симферополь (и симферопольский портер), «квартирка на Морской»²³, Северная, Корабельная²⁴.

Помимо хронологии названий (декабрь, май, август), автором учитывается изменение городской атмосферы, иногда форма документальной фиксации сменяется достоверностью художественного видения персонажей (в диалогах).

«– Ну, а квартирка моя на Морской цела?»

– И, батюшка! Уж давно всю разбили бомбами. Вы не узнаете теперь Севастополя; уж женщин ни души нет, ни трактиров, ни музыки; вчера последнее заведение переехало. Теперь ужасно грустно стало... Прощайте!

И офицер рысью поехал дальше» (4, 82).

В последнем очерке на новом уровне автор обращается к «диалектике души», развивая внутренние монологи героев, обращаясь к диалогам героев, лишая их характеристики публицистического пафоса, надевая их характерами.

Авторский дискурс обогащается многомерностью и масштабностью видения и оценки севастопольского исхода. Мотивация уходящих из города, с одной стороны, понятна и проста, у всех это «чувство самосохранения и желания выбраться как можно скорее из этого страшного места смерти» (4, 119). С другой стороны, автор отмечает у всех, казалось бы, «разнородных» одно, объединяющее, более глубокое чувство: «это было чувство, как будто похожее на раскаяние и злобу. Почти каждый солдат, взглянув с Северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимой горечью в сердце вздыхал и грозился врагам» (4, 119).

До сих пор идут дискуссии об итогах Крымской войны. Мирный договор был заключен только в феврале 1856 года, Черноморскому флоту было запрещено базироваться в Севастополе. Поражение в Крымской войне Россией было воспринято как национальная катастрофа, особенно на фоне исторической победы русских в Отечественную войну 1812 года. Тем не менее Крымская война породила альтернативу – развиваться России дальше или погибнуть, то есть была обозначена проблемность дальнейшего существования государства на политических, экономических, социальных, культурных путях.

Для Толстого-писателя «Севастопольские рассказы», безусловно, стали прологом к «Войне и миру»: с точки зрения и основной концепции войны и мира²⁵, и манеры повествования, и концепции героя, и нравственно-философского мирообраза²⁶.

Примечания

¹ Теперь часть 4-й Бастионной носит имя Николая Музыки.

² Рубо Ф.А. (1856–1928) – основатель русской школы панорамной живописи, художник-баталист. Картина и предметное полотно создавались в Мюнхене с 1901 по 1904 год. В Севастополе на Историческом бульваре было построено здание Панорамы (проект Ф.-О. И. Энберга, при участии В.А. Фельдмана). В 1905 году Панорама была открыта. Выражаю чувство глубокой личной благодарности Ольге Анатольевне Завгородней, ведущему научному сотруднику Национального Музея героической обороны и освобождения Севастополя, за консультацию и экскурсию в Музей (Панораме) в августе 2009 года.

³ Приморский бульвар сейчас занимает прибрежную полосу от Графской пристани до Артиллерийской бухты.

⁴ Николаевская батарея располагалась на Николаевском мысу, на месте нынешнего Приморского бульвара. Была взорвана в конце обороны.

⁵ Графская пристань – названа в честь графа Войновича, одно время командующего эскадрой Черноморского флота. Архитектурно оформлена к 1846 году (двухрядная колоннада дорического ордера, статуи каррарского мрамора в нишах, аттик с датой постройки).

⁶ Памятник затопленным кораблям – проект скульптора А. Адамсона, архитектора В.А. Фельдмана и военного инженера Ф.-О. И. Энберга. Искусственная скала с коринфской капителью, с бронзовым двуглавым орлом. Орел держит в клюве лавровый венок и

якорь. В основании памятника табличка: «В память кораблей, затопленных в 1854 и 1855 годах для заграждения входа на рейд».

⁷ Меньше всего хотелось бы получить упрек в сентиментальном патриотизме, но это именно внутреннее ощущение, отличное от имперского патриотизма, и родом оно из сева-стопольского детства.

⁸ Сапун-гора находится в 6 километрах к юго-востоку от Севастополя.

⁹ Корнилов В.А. (1806–1854) – русский адмирал, к началу Крымской войны был начальником штаба Черноморского флота. Возглавил оборону Северной стороны, затем Севастополя. Руководил строительством оборонительных рубежей. 5 октября 1854 года был смертельно ранен на Малаховом кургане. Юнга адмирала на месте его гибели из ядер сложил крест. На этом месте сейчас стоит памятник Корнилову.

¹⁰ Сейчас носит имя адмирала П.С. Нахимова. П.С. Нахимов (1802–1855) – руководил эскадрой в победоносном Синопском сражении. Фактически руководил обороной Севастополя, пока 28 июня 1855 года не был смертельно ранен в голову на Малаховом кургане.

¹¹ Находится рядом с нынешним зданием Панорамы. Язовский редут – команда брига «Язон» в ноябре-декабре построила редут, который защищала до конца обороны. Сейчас на этом месте памятник, представляющий собой четырехгранную усеченную пирамиду, завершающуюся изображением креста.

¹² См. об этом: Севастопольской панораме 100 лет. Симферополь, 2005. С. 11–28.

¹³ Сейчас на этом месте, на площади Нахимова, расположен монумент героическим защитникам Севастополя в Великой Отечественной войне.

¹⁴ Сейчас на улице Советской, на Городском холме.

¹⁵ Сейчас здание слева от основного здания Музея Черноморского флота, часть экспозиции музея.

¹⁶ См. «Хронологическую канву» жизни Толстого 1854–1855 годов (47, 226–229).

¹⁷ «Небо было чисто и темно; звезды и беспреданно движущиеся огни бомб и выстрелов уже ярко светились во мраке» (4, 35).

¹⁸ Ср.: «В порядок прежний все вошло» («Медный всадник»), «Игра пошла своим чередом» («Пиковая дама»).

¹⁹ Штурм Севастополя произошел 27 августа (8 сентября) 1855 года. «В половине 12-го стрельба с обеих сторон затихла, а ровно в 12 часов начался штурм Малахова кургана, 2, 3 и 5 бастионов» (4, 111).

²⁰ Последняя станция к Севастополю (Прим. Л.Н. Толстого). Сейчас Верхне-Садовое.

²¹ Инкерман – сейчас южный пригород Севастополя, до которого доходит 8-километровая Большая Севастопольская бухта. Место Инкерманского сражения 24 октября 1854 года.

²² Бельбек – река недалеко от Севастополя, на которой были укрепления, стояли войска, где находился Толстой. См. его письма: «позиция на р. Бельбек» (59, 299 след).

²³ Морская – улица Большая Морская, единственная сохранившая название, одна из трех улиц центрального городского кольца.

²⁴ Корабельная – Корабельная сторона, отделенная от Городской стороны Южной бухтой, на ней находится Малахов курган.

²⁵ Ср. частные и одновременно принципиальные схождения: Праскухин + князь Андрей (сцена гибели одного и ранения другого). Раненый Анатолий Курагин и многочислен-ные сцены в госпиталях-перевязочных с ампутациями и др.

²⁶ См. подробно: *Лебедев Ю.В.* Русская литература XIX века. Вторая половина. М., 1990. 285 с.